

Фасхутдинова Елена Николаевна

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ (ТАССР) О ФУНКЦИЯХ И ЗАДАЧАХ УЧИТЕЛЬСТВА В 1918 - СЕРЕДИНЕ 20-Х ГГ.

В статье речь идет о том, как советское руководство Казанской губернии/ТАССР трактовали задачи работы учителей в советской школе с учащимися, их родителями и односельчанами. Власть пыталась привлечь учительство к агитации среди населения идей коммунизма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2010/2/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (6). С. 96-98. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2010/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).084.3

В статье речь идет о том, как советское руководство Казанской губернии/ТАССР трактовали задачи работы учителей в советской школе с учащимися, их родителями и односельчанами. Власть пыталась привлечь учительство к агитации среди населения идей коммунизма.

Ключевые слова и фразы: строительство советской школы; агитация местного населения; пропаганда идей коммунизма; учительский союз; агитаторы.

Елена Николаевна Фасхутдинова, к.и.н.

Кафедра истории, философии, социологии

Казанский медицинский университет

elenafas@yandex.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ (ТАССР) О ФУНКЦИЯХ И ЗАДАЧАХ УЧИТЕЛЬСТВА В 1918 – СЕРЕДИНЕ 20-Х ГГ. ©

Первые мероприятия советской власти обозначили новый подход к учителям как к участникам строительства школы, последовательно проводящим политику партии в области народного образования. Кроме того, немалую надежду возлагали большевики на учителей, как помощников в агитации населения, в пропаганде идей строительства нового социалистического общества.

К концу декабря 1918 г. советская власть укрепилась в большинстве уездов Казанской губернии [3, с. 341], где она надеялась на помощь учительства в агитации местного населения. Однако, «казанское учительство в лице своего учительского союза встало на позицию отрицания советской власти» [1, с. 20]. Учительский союз Казанской губернии так же, как и Всероссийский учительский союз повел с большевиками борьбу, которая была направлена против отдельных мероприятий, проводившихся советской властью в связи с реорганизацией школы: боролись против изгнания из школы закона божия, против совместного обучения девочек и мальчиков, против ученического самоуправления и т.п. Но с февраля 1918 г. учителя, убедившись в устойчивости новой власти, начали проявлять к ней более лояльное отношение [9, с. 16-17]. Таким образом, в первый год после Октябрьской революции среди учительства Казанской губернии, как и по всей России, единства не было, одни были противниками новой власти, другие – сторонниками, но все, так или иначе, вынуждены были учитывать те условия, в которых им необходимо было работать.

А ведь в учительстве власть хотела найти тех, кто будет заниматься агитацией населения, пропагандировать в его среде идеи строительства нового социалистического общества. Так, в 1918 году в Казанской губернии начинали готовить инструкторов, которым было указано на необходимость «вести агитацию среди всех школьных работников за вступление их в Союз деятелей просвещения и социалистической культуры, «Пролеткульт», Союз рабочей коммунистической молодежи и т.п.» [5, д. 13, л. 4]. Таким образом, в 1918 г. для того, чтобы учителя начали агитировать других людей, власть призывает провести агитацию их самих. И в 1919 году состоялся губернский съезд по просвещению, который сформулировал такие формы работы: «а) усиление пропаганды и агитации среди учителей идей коммунизма; б) организацию подготовки школьных работников к агитации этих идей среди местного населения, путем развития у учителей классового понимания общественных отношений» [6, д. 103, л. 48]. Позже, в 1923 г. от учительства ТАССР местное руководство ждало уже более конкретной помощи в пропаганде идей коммунизма и новых знаний среди населения. В циркуляре Наркомпроса от 23 мая 1923 г. «Об усилении культурной работы учителя в деревне и спайке города с деревней» сказано, что работа учительства должна быть направлена по трем основным линиям: 1) по развитию политического самосознания у крестьянства; 2) по поднятию сельскохозяйственного производства; 3) по расширению всеобщей грамотности. Учителям разъяснены и способы, которыми они должны этого добиться: а) организовать регулярные и систематические чтения газет вслух для крестьян; б) школы с сельскохозяйственным уклоном должны сделаться опорными пунктами по распространению агрономических знаний среди крестьян (устраивать лекции по вопросам рационального земледелия и животноводства); в) проводить периодические беседы со взрослым населением на общекультурные темы, устраивать школами и учительскими коллективами литературно-музыкальных вечеров, концертов, спектаклей; г) организовать занятия в школе безграмотных и малограмотных [7, д. 1425, л. 145]. Однако учителя все это осуществить не могли, так как таких обширных знаний они не имели, книг в деревенской библиотеке было недостаточно, газет не было, да и учителя больше думали о собственном выживании (так как с их зарплатой это было совсем нелегким делом), а не о просвещении местного населения. В 1926 г. учителя выполняли большую работу в связи с переписью населения; ежегодно участвовали в сборе сельхозналога, агитируя население за его необходимость и полезность; кроме того за необходимость приобретать облигации госзаймов, участвовать в проведении основных общественно-политических кампаний в деревне (хлебозаготовки, посевная кампания) и т.д. и т.п. [Там же, д. 1425, л. 257].

В ТАССР, как и во всей России, «учителя были согласны принять участие в борьбе с народной темнотой, а не вести агитацию», они предлагали, и совершенно справедливо, направить для этого в деревню агитаторов» [1, с. 6]. Но, захватив власть в России, большевики надеялись на то, что учителя будут именно агитировать за новую власть, разъяснять неграмотному населению преимущества нового строя. Раз учителя не хотели это делать, их необходимо было заставить, например, обвинив в контрреволюционных настроениях и даже действиях, в непрофессионализме и т.д.

Хуже всего было то, что этим стали пользоваться ученики. В первые послереволюционные годы многие учащиеся почувствовали себя хозяевами школ. Так, например, в Козьмодемьянской первой гимназии Казанской губернии, в 1919 г. учительница требовала от школьников лучше выполнять задания и готовиться к урокам, а они написали заявление управляющему школы о том, что эта учительница вела контрреволюционную пропаганду [6, д. 81, л. 143]. Также были аналогичные сообщения из Казанских школ № 7, № 42 [5, д. 44, л. 45]. Чаще всего в школы направлялись комиссии для проверки ситуации и конфликты были улажены, но, как отмечали учителя, «безнаказанность учеников дурно влияет на других школьников, внушая вредную мысль, что преподавателя можно «прижать» [Там же, д. 44, л. 47]. Подобные случаи формировали у учителей осторожность, боязнь поступить принципиально, сказать правду; у учащихся лень, лицемерие и лживость.

Кроме того, начиная с 1918/19 учебного года, во всех неудачах и просчетах школьной реформы власти обвиняли учительство, заверяя, что оно не желает преобразований и поэтому саботирует меры по реорганизации школы. Руководители разных уровней требовали от учителей скорейшего осуществления реформы, а сами нередко плохо представляли ее детали, а тем более способы ее проведения. А учитель часто не понимал, что он должен делать.

Действительно, чувство бесправия проистекали из постоянной запуганности народного учителя «начальством», которая в годы гражданской войны, в сочетании с крайней материальной нуждой и униженным положением, достигла своего максимума. Этим пользовались представители любых структур, причастных к власти: от партийных, советских и хозяйственных до комсомольских, превращая учителя в интеллектуального поденщика, обязанного в любой момент выполнить любое «общественное» задание под страхом «общественного» же порицания, а то и наказания. Учитель занимался и написанием заявлений крестьянам, и постановкой спектаклей и концертов и читал лекции на различные темы и т.д.

Разъяснять неграмотному крестьянину политику партии призвано было учительство, которое зачастую не имело хорошего образования, не читало газет, и вообще, по мнению власть придержащих, нуждалось в идейно-политическом перевоспитании, так как социальным происхождением тоже похвастать не могло. В 1924 году В. Н. Соминский в Лаишевском районе ТАССР провел анкетирование учителей, результаты этого анкетирования изложил в статье «Сельский просвещенец». Эти результаты как раз говорят о том, что большинство учителей едва сводили концы с концами и материально очень нуждались, но, главное, то, что газет и педагогических журналов они не читали, с крестьянами никак не работали, потому что не знали, как это делать [10, с. 78]. Очевидно то, что учительству часто тоже не хватало ни образованности, ни начитанности и с ним тоже следовало проводить политработу.

Следует отметить, что после октябрьской революции 1917 года пропаганда идей коммунизма была не единственной заботой большевиков, к исполнению которой они привлекали учителей. Так, нерусское население стремилось к равноправию и требовало, чтобы преподавание в школах осуществлялась на их родном языке. В Казанской губернии, а потом в ТАССР проживали разные народы, и вопрос о представителях различных национальностей во властных структурах здесь был весьма актуальным. Однако проблема государственного строительства в национальных регионах заключалась в том, что не все национальные представители могли занимать высокие посты в новой администрации по причине недостаточной образованности (или же их образование было религиозным, как у многих представителей татарского народа, что новую власть совсем не устраивало). Этот процесс подготовки национальных кадров для работы во властных структурах носил название «коренизации» власти. А поскольку процесс этот был тесным образом связан с образованием, то был поставлен вопрос о «коренизации» образования.

В двадцатые годы основным принципом, определявшим общее направление просветительной политики Наркомпроса ТАССР было заявлено именно стремление «поднять, в первую очередь, наиболее отсталые в культурном отношении нации (татары и нацмены), создавая в то же время, условия полной реализации родного языка для всех народностей Татарии, во всех видах просветительной деятельности» [8, с. 3]. Агитировать местное население были призваны учителя национальных школ.

Учителя «нацмены» (представители национальных меньшинств) верили всем заявлениям большевиков, часто охотно вступали в партию (на съезде работников просвещения и социалистической культуры вотяков речь даже шла о том, что все вотское учительство целиком должно войти в Коммунистическую партию [9, с. 5]). Формирование национального образования, строительство национальных школ, обучение школьников на родном языке привлекало к власти большевиков представителей национальных меньшинств.

Таким образом, политика большевиков по отношению к учительству в 1918 – середине 20-х годов представляет собой комплекс мер административного идеологического характера направленных на привлечение учительства к пропаганде коммунизма и разъяснению политики советской власти рабочим и крестьянам, проведению ликвидации безграмотности и антирелигиозной борьбы, созданию новой, идеологически ориентированной школы.

Список литературы

1. **Богданов В. И.** Учительство и советская власть. М.: Госиздат, 1918.
2. **История Татарской АССР: с древнейших времен до наших дней.** Казань, 1968. С. 341.
3. **Культурная революция в Татарии (1917–1937).** Казань, 1986. С. 103.
4. **Максимов А. А.** О первых шагах Советской власти в области народного просвещения в Казани // За власть Советов. Казань, 1960. Ч. II. С. 260.
5. **Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).** Ф. Р-992. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 4.
6. **НА РТ.** Ф. Р-271. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 48.
7. **НА РТ.** Ф. 3682. Оп. 1. Ед. хр. 531. Л. 145.
8. **Протоколы съезда учащих г. Чистополя и уезда от 3-16 марта 1918 г.** Чистополь, 1918. 36 с.
9. **Резолюции I Всероссийского Съезда работников просвещения и социалистической культуры вотяков.** Казань, 1921. 45 с.
10. **Соминский В. Н.** Сельский просвещенец // Народный учитель. 1924. № 4. С. 74–79.

**THE VIEWS OF SOVIET GOVERNMENT OF KAZAN PROVINCE OF
TATAR AUTONOMOUS SOVIET SOCIALISTIC REPUBLIC ABOUT FUNCTIONS
AND AIMS OF TEACHERS IN THE 1918S – THE MIDDLE OF 1920S**

Elena Nikolaevna Faschutdinova

*Candidate of Historical Sciences
Department of History, Philosophy and Sociology
Kazan University of Medicine
elenafas@yandex.ru*

The article tells about the way the Soviet government of Kazan province of Tatar Autonomous Soviet Socialistic Republic interpreted the aims of Soviet school teachers' work with students, their parents and people from the same village. The government tried to involve the teachers into agitation of communism ideas among the population.

Key words and phrases: formation of soviet school; agitation of local population; propaganda of communism ideas; teachers' association; agitator.

УДК 93\94

В статье рассматривается вопрос о влиянии промышленных технологий на организацию поставок обмундирования для российской армии. В центре внимания проблема нехватки красителей для окрашивания тканей в защитный цвет, а также меры, предпринимаемые интендантством для ее решения. Данная проблема была вызвана не только началом военных действий, но и отсутствием отечественного производства красителей. В годы Первой мировой войны было положено начало работе по созданию российской анилинокрашочной промышленности.

Ключевые слова и фразы: искусственные красители; анилинокрашочная промышленность; интендантство; технологическая зависимость; способы окраски тканей в защитный цвет; организация поставок обмундирования; источники получения искусственных красителей.

Луиза Мансуровна Хабибуллина

*Кафедра менеджмента таможенного и страхового сервиса
Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики
habibullina@rambler.ru*

«ЦВЕТНАЯ ЛИХОРАДКА» В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ©

Первая мировая война послужила серьезным испытанием сложившейся системе обеспечения армии обмундированием. Уже вскоре после начала военного конфликта поставки одежды в действующую армию оказались под угрозой срыва. Проблема заключалась не только в самой организации дела, но и в сугубо технологических вопросах. В ту пору российская армия носила одежду защитного цвета или как его именовали по другому - цвет «хаки». Таковым считался серо-зеленый цвет, который называли также оливковым. Текстильные фабрики осенью 1914 г. столкнулись с нехваткой красителей.

Отечественные производители для окрашивания разных сортов тканей использовали искусственные красители, большая часть которых поступала из Германии.